

9 книг к 9 Мая

ЛУЧШАЯ
ФАНТАСТИКА

О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

АЛЕКСАНДР
КОНТОРОВИЧ

ЧЕРНАЯ
ВОЙНА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К65

Разработка серийного оформления
Сергея Курбатова

Художник *Игорь Варавин*

Конторович, Александр Сергеевич.

К65 Черная война / Александр Конторович. —
Москва : Эксмо, 2019. — 704 с.

ISBN 978-5-04-101756-9

Первая дилогия ведущего писателя-фантаста, уже ставшая классикой нового жанра – боевика о «попаданцах». Диверсант из будущего, ветеран легендарной группы «Альфа», на Великой Отечественной войне. Провалившись в 1941 год, он выжил в теле матерого зэка – «ЧЕРНОГО БУШЛАТА», переиграв лучших оперативников НКВД и Абвера. Он воевал в штрафной роте – «ЧЕРНОЙ ПЕХОТЕ», как окрестили штрафников гитлеровцы. За ним охотятся все спецслужбы Рейха, по его следу идут личные «волкодавы» Гимmlера, а присланная на помощь разведгруппа НКВД имеет приказ ликвидировать «попаданца» при угрозе его захвата противником. Отрезанный от Большой земли, в полном окружении, он сколачивает отряд из остатков штрафной роты и взвода морпехов – и принимает бой, чтобы изменить прошлое и переломить ход Великой Отечественной войны.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-101756-9

© Конторович А. С., 2019
© ООО «Издательство «Эксмо», 2019

**ЧЕРНЫЕ
БУШАТЫ**

— Еще воды плесни!
— Держи! — и Серега плеснул на камни полный ковшик. Пар шарахнул в потолок, и у меня захватило дыхание.
— Злодей! На фига ж так много-то?
— Ты просил — я плеснул.
— Да уж, не пожадничал. Ладно, и впрямь уже пора вылезать. — Я спрыгнул с полка и пошлепал ногами к двери.

В предбаннике я уселся за стол и подтащил поближе бутылку с кока-колой. Бухнула дверь, и Сергей выскочил за мной следом. В отличие от меня, он предпочитал пиво.

— Хорошо... — Я расслабленно откинулся на спинку дивана. — Ничего делать не хочу. Так бы и сидел всю ночь.

— Да ты вроде и так по лесам крути не нарезаешь. Чего тебе-то делов — сиди да смотри по сторонам. Это мы тут как проклятые пашем.

— Это вы-то проклятые? Чтоб меня так кто проклял! — Сергей был шеф-поваром в нашем ресторане.

— Ну, в отличие от тебя, у нас конкретное дело есть. Думаешь, полста человек зараз накормить легко? Да еще изысками всякими?

— Ну, у всех свое дело. Ты вон кормишь, я по сторонам смотрю, чтоб тебе это делать не мешали.

— Интересно ты смотришь. Как ни гляну — сидишь да дремлешь или языком треплешь с обслугой.

— Я не просто так дремлю, я силы коплю. И болтаю не просто так, надо же знать — кто и что видел, о чем думает? Чего от кого ждать. А уж за узбеками нашими, сам знаешь — глаз да глаз!

— Силы копишь?

— Ты кота видел? Как он на солнышке лежит?

- Да, кто ж их не видел-то? Ну лежит, и что?
 - А как он на птичку опосля этого прыгает? Есть промежуток у него между прыжком и сном?
 - Нет, он сразу и сигает.
 - Вот и я так. Нельзя все время в напряге быть — перего-ришь и в итоге лоханешься.
 - Интересная теория.
 - Это, Серега, не теория — это жизнь. Чем меньше ты в напряге сидишь — тем дальше после этого прыгнешь и тем быстрее в себя придешь.
 - Ну, красиво говорить — ты у нас мастер. Еще разок? — он кивнул в сторону парной.
 - Не, хорош. Ты иди, а я уже на холодок.
- Серега скрылся в парной, а я начал неторопливо одеваться. На улице уже было темно, только уличные фонари освещали наши домики. Тихо, даже собаки у соседей не гавкают. Отойдя от двери, я присел на скамейку у гаража. Надо Сергею дожидаться, посидим еще перед сном. А пока есть время...

Позвольте представиться — Александр Котов, 45 лет, майор запаса. Успел пройти многое и в армии наколбасился будь здоров, да и после тоже... хватило. Служил в ЦСН, мы там с серьезными злодеюками боролись не на шутку, последние года два ребят молодых натаскивал, благо опыта хватало. Один Афган чего стоил, а тут еще и Чечня. Да и по выходу на пенсию успел тоже кое-где побывать, благо спрос на специалистов моего уровня всегда был. А благодаря нашим политикам — и дальше будет. Вот и пришлось пару раз съездить в некоторые наши «непризнанные» (надо ж такое словечко изобрести?) государства. Друзья-то там очень даже мною признанные и верные остались. Вот и надо было им помочь в меру своих разумений. Женат, пятеро детей.

На пенсии уже несколько лет, выслуги с войной набралось более 20 календарных лет, и, воспользовавшись этим, я ушел на пенсию. Неполную, да и хрен с ней. На полную тоже жить нельзя. А так, пока еще силы есть, да и голова на плечах тоже, вполне себе можно устроиться как-нибудь прилично. Всякое перепробовал, но вот подогнал же Макс халтуру... Хозяин нашего поселка — депутат Госдумы, в недалеком прошлом был каким-то министром в одной из наших союзных республик. Тогда и построил вот этот десяток

домиков недалеко от Москвы. Кто уж в них раньше жил — бог весть, но уже года полтора стоят они пустыми. А Макс туризмом занимается, у хозяина домов он офис арендует. Вот и предложил ему сделать тут небольшой дом отдыха. Набрали узбеков, отремонтировали домики. В одном из них ресторан сделали небольшой, Серегина вотчина. Дали рекламу и понеслось... Я тут вроде как начальник службы безопасности, а заодно и единственный ее сотрудник. Кадры — тоже мое дело. Разборки с местными отморозками — тоже я. Хотя тут и отморозки-то какие-то квелые. Разок наехали на наших официанток, мы их в ближайшем городе набираем, заявили им — мол, доходами делиться надо. Девки — в слезы и ко мне. Их можно понять, зарплата у них и так не ахти какая здоровая, так еще и делиться ей с кем-то? Ну встретились, пообщались. Детский сад, ей-богу! Кина дурного насмотрелись и возомнили о себе невесть чего. На «разборку» (это они так нашу первую и последнюю встречу обозвали) явились кучей, с бейсбольными битами. (Вот удивляюсь я — в стране игроков в бейсбол — днем с фонарем не отыскать, а бейсбольная бита в любом спортивном магазине есть.) Ну вывалились они из своей «пятерки» аж вшестером и изобразили из себя героев боевика. Криминального, а на мой взгляд, так скорее комедийного. Ну и пришлось им вдумчиво пояснить, что степень крутости оппонента на скорость полета пули влияет незначительно. А наличие в руках спортивного инвентаря в виде бейсбольных бит увеличению скорости бега от пули не способствует. Народ выразил сомнение в моих словах, пришлось продемонстрировать. После того как я левой рукой из обыкновенного «ПМ» снес зеркало на их «пятерке» (метров с 20), им явно поплохело. А уж когда я на «блатном» (это они так считают) жаргоне пояснил их дальнейшие перспективы бодания с депутатом Госдумы и его окружением, народ тихо слинял и более на горизонте не отсвечивал. Так потихоньку и тянется моя работа. Денег, правда, тоже далеко не до фига, зато работа — не бей лежащего. Узбеки, видя мои ежеутренние упражнения по мордобою и растяжке, тихо хренеют и уважительно здороваются. Воровать — и то почти перестали. По мелочи все равно тащат, но это уж издержки производства.

Стоп, а это еще что? В одном из домиков как-то странно замигал свет в окне. Два часа ночи, они там что, не перебе-

сились еще? Вроде только недавно всей гопой, гости, изрядно приняв на грудь, отправились спать. Пора бы им уже и на бок... Стоп еще раз, это не электрический свет! Свеча? Да уж больно она яркая для свечи... Пойдем-ка от греха подальше и посмотрим получше. Я свернул с тропинки и напрямик, через газон, направился к домику. По мере приближения свет в окошке разгорался все ярче. Да, мать твою — это ж действительно огонь! Пожар! Бараны безмозглые, что они там натворили?! Ходу!

Подбежав к домику, я только матерно выругался. На первом этаже действительно мелькали языки пламени.

— Серега! — гаркнул я со всей дури.

Вышедший из бани Сергей аж присел.

— Узбеков подымай! Да и своих (с Серегой в домике жил еще один повар и наш водитель) тоже сюда давай! Пулей!

«Так, побежал. Вот ему и повод — про кота вспомнить. Ладно, это все лирика, потом. Дверь... Заперто. Что у нас тут? Полено — по стеклу им и внутрь! М-мать! Дым, падла, так понизу, понизу, к двери. Хорошо хоть замки у нас с ручками запираения, а так искал бы я тут ключи по всему дому. Открыли, но распахивать пока обождем, и так от окна приток воздуха неслабый. Что горит-то? И где? Сауна? Предбанник! Чему там гореть-то? Нет, чему понятно, облицовка дощатая, но вот отчего она загорелась? Да и хрен бы с ней, это на потом. Вон огнетушитель в углу, с него и начнем».

Ф-фух! Пламя выхлестнуло из двери и чуть не опалило мне морду. Опа! А неслабо оно уже разгорелось-то. Ну, мы его сейчас... Не любит, стерва, ох не любит... Однако огнетушителю кранты...

Топот ног! Серега? Узбеки прибежали.

— Ну-ка, огнетушитель мне сюда, скорее! И — наверх! Будить этих баранов и вниз. Кто не может идти — на руках или волоком, марш! Один пулей в пожарку звонить, телефон у ворот — 02!

«Побежали... А мы тут, с огнем. Однако хреновое дело, огнетушитель тут уже не катит, стена пошла, огонь уже куда-то вверх ввинтился. Второй огнетушитель пуст, третий — все... Пора уже и самому...»

— Сергеич! — Это мне. Серега прибежал с ребятами.

— Чего там? Всех вывели?

— Пацан наверху остался!

- М-м-ать! Что за пацан?
- Сын чей-то!
- Т-т-твою ж дивизию!

Бегом вверх по лестнице! Так, на втором этаже уже приходящая востро горит, огонь снизу прошел, как? Хрен его знает... Пацан! Где ты, черт немый?! Где? Тут нет, тут тоже пусто, в гостиную — нету. Куда ж тебя черти унесли? Спальня — пусто, вторая — тоже, где он? Плач! Назад, в прихожую... Шкаф? Он в шкафу, баран!

- Какого хрена?! Чего ты тут?!

Слезы в три ручья, говорит что-то. Со свечкой внизу читал и уснул? Блин, поджигатель ты наш малолетний! Урод недоделанный! Уши бы тебе, на фиг, вырвать! Ладно, это после. Лестница — тут уже облом, все горит, не пройдем. Балкон? Не пройти, огонь. Окна? Ну, разве что... Ладно, бегом!

- Народ! Где вы там?!

Топот ног, и толпа вылетела из-за угла.

- Брезент сюда!

- А где взять?

И действительно — где? У нас его отродясь и не было.

- Сетку!

- ???

- Баскетбольную, блин! Со столбов оторвать и сюда.

И в темпе, а то нас тут уже жарят, на фиг!

«Так, бегут, несут, хорошо! Развернули. Давай, пацан, вперед! Бойся, орет что-то, высоко? Да идешь ты лесом!»

Сдавленно мякнув, парень вылетел в окно. Сетка затрещала, но выдержала, и его быстро потащили в сторону. Набежавшие официантки на бегу вытирали ему закопченную чумазую морду.

«Опа, вот это подарок, сетка лопнула! Что ж, на землю просто так сигать, что ли? Тут метров шесть будет, а то и поболее, дом с этой стороны на откосе стоит, река внизу, неслабо усвистеть можно, если промахнусь или не удержусь на ногах. Боковое окно, оно на другую сторону выходит, там ниже. И чтоб мне туда сразу не убежать?»

Ладно, это потом. Холл, блин, уже весь горит, провозился я с этим поджигателем. Дверь, вот она. Перекосило? Что там с ней? Не открывается, подлюка! Черт, что делать? Назад!»

Сверху затрещали доски, и с потолка посыпался какой-то мусор. В два прыжка я преодолел горячий холл (от жара затрещали волосы) и, как кабан из тростников, вломился в комнату. Ну, вот оно, окно! Что-то затрещало уже внизу, и пол начал уходить из-под ног. Из дерьма, что ли, эти дома строили? Горят, как картонные! Оттолкнувшись изо всех сил, я прыгнул в окно. Черт с ним, с откосом, авось не укачусь, да и ребята внизу... БАМС! И в глазах наступила темнота...

Шлеп! Шлеп!

Кто-то весьма немилосердно приложил меня по щеке.

Шлеп!

Еще раз.

— Э! Хорош там! — Я попытался отпихнуть руку, вследствие чего мне заехали уже не по-детски и не по щеке.

— Очухался, падла! Хорош разлеживаться, вставай давай!

Я попытался это сделать, но ноги разъезжались, и встать никак не получалось. Тем более что все тело воспринималось мною как-то неправильно. Незнакомо. В голове звон, глаза никак не могли сфокусироваться ни на чем конкретном. Руки тряслись и скользили по земле.

«Грязь? Откуда, тут ведь у нас около домов щебенка и газон? Или я все-таки усвистел вниз, к реке? Как еще кости не переломал. Однако кто ж это тут такой грубый?»

Мои размышления были прерваны самым бесцеремонным образом — чей-то сапог (откуда?) от души заехал мне под ребро. Ух и ни хрена ж себе!

— Начальник! Не надо, видишь, не очухался еще человек. Мы уж сами его подыдем.

— Так, не ковыряйтесь тут! Ждать не будем, быстро давай. А то уж мы тут сами лечение проведем.

— Давай, давай, Михалыч. — Меня с двух сторон подхватили под руки и куда-то потащили. — Шевели грабками, пока вертухаи совсем не озлились.

— Я... Это... какой Михалыч? Чего вы там... ух! Больно же!

Яркие пятна перед глазами стали постепенно приобретать более-менее осмысленные очертания. Мокрое, залитое дождем поле. На горизонте лес. Слева, метрах в 30, железная дорога. На путях весело потрескивая, горят разнесенные в ключья несколько вагонов.

Странные какие-то вагоны, где только у нас такие еще сохранились? Какие-то люди вокруг, пожарные? Да нет, не-

похоже. Бушлаты черные, такие же штаны, шапки. Если это пожарные, то я — Дед Мороз. Что за хрень такая? Куда я по-пал, где дома, Серега где, узбеки мои окаянные?

Да, похоже, что домами тут и не пахнет. У нас на дворе ноябрь был, не очень тут на ноябрь похоже, тепло. Явно не минус 12. Я покосился направо. Под руку меня поддерживал персонаж, словно сошедший с иллюстрации «Колымских рассказов» В. Шаламова. Слева обнаружился еще один, аналогичной наружности. Здравсьте, приехали! Это еще кто? Посмотрев на ноги, я обнаружил, что за время моей отключки неведомые «доброжелатели» «скоммуниздили» не только джинсы, но, заодно с ними, и ботинки, да, кстати, и куртку тоже... На мне был такой же черный бушлат, как и на большинстве окружающих. Такие же брюки и сапоги.

— Строиться!

Повернув гудящую голову, я обнаружил еще одного (одного? Да хрен тут, их человек 20, не меньше) участника событий. Гимнастерка (старого образца?), галифе, сапоги и фуражка с малиновым околышем. Картину завершал автомат «ППД» на правом плече. Товарищ был явно не в духе, и это хорошо было видно по его лицу. Вокруг тем временем началось движение, и чернобушлатники выстроились в подобие шеренги. Меня вместе с парочкой аналогично очумевших товарищей оттащили на левый фланг шеренги. Автоматчики выстроились цепью напротив нас, несколько человек зашли с флангов.

Возле кричавшего появился еще один, с папкой в руках.

— Абрамов Михаил Ильич! 1919 года рождения. Статья 58–2. Семь лет!

Вот это здрасьте! 58-я статья, это ж сколько лет-то? Ее ж отменили еще до моего рождения, что за хреновина творится? Где я и что это все значит? Плохо соображающая голова не спешила предоставить мне никаких ответов. Тем временем переключка продолжалась, и я успел составить себе некоторое представление об окружающих. Не все статьи я помнил, но, судя по воспоминаниям, тут собралась неплохая компания. Сроков менее пяти лет не было вообще ни у кого. 58-й статьи хватало, по ней «прописалась» примерно четверть присутствующих.

— Манзырев!

Молчание.

— Манзырев?!

— Да тут он, гражданин начальник, в себя еще не пришел, вон и на ногах еле стоит.

— Александр Михайлович. 1890 года рождения. Статья... — и тут последовал внушительный перечень, чуть не из десятка статей. — Срок — 10 лет.

Судя по перечню, за обладателем числилось немало. Убийства, разбой и даже побег. Остальных статей я не знал.

Я покосился на отвечающего. Коренастый мужик, метраж в двух от меня. Отбарабанив этот неслабый список, он подмигнул мне оплывшим глазом.

«Ктой-то его так приложил?» — подумалось мне.

Переключка продолжалась еще минут 15. Порядка 20 человек так и не откликнулись, из чего я сделал вывод, что им совсем не повезло.

Нас построили в колонну, автоматчики заняли места по бокам и сзади, и мы медленно потащились по дороге.

— Дядя Саша, — это ко мне подобрался давешний мужик с синяком под глазом. — Ты как?

— Хреново, — честно ответил я. — Башка болит, не помню ничего. Даже имя свое забыл.

— Ну, ты даешь! — восхитился он. — Как вообще жив-то остался, вагон-то ваш чуть не пополам разворотило. Пятерых вон вообще чуть не в куски порвало. Мы уж думали — копец тебе, тут, в воронке, и присыпят землицей. Ан, смотри, ожил!

— Ты, это... — прокашлялся я, — говорю ж тебе, память отшибло. Ты напой мне, что у нас тут вообще творится, глядишь, и я вспомню кой-чего.

— Неужто совсем ничего не соображаешь? — восхитился он. — Бывает же... Ну, слушай, коли так.

Рассказчик он оказался неплохой, но вот от его рассказов мне совсем поплохело. Угораздило же меня неведомым образом попасть в шкуру зэка. Да еще какого!

Манзырев Александр Михайлович, кличка «Дядя Саша», за свою жизнь накуролесил столько, что советская Фемида наградила его званием особо опасного рецидивиста. Начал он сидеть чуть ли не при царе и продолжил это дело (с небольшими перерывами) уже при Советской власти. Общее количество честно заработанных сроков существенно превышало количество прожитых лет. Сидел он, то есть теперь

я, уже года три, и ничего хорошего впереди не светило. Особенно учитывая то, что на дворе стоял 1941 год и нас эвакуировали в глубь страны, подальше от фронта. Как раз в этот момент нас и накрыли бомбами немцы. Паровоз и несколько вагонов разнесло в щепки, часть заключенных погибла. А меня и еще нескольких прилично контузило близким разрывом. Насколько я помнил, особенно в этих случаях не церемонились, и, не подхвати меня соседи на руки, конвой без лишних слов добил бы меня, как неспособного к передвижению. Однако же почетное звание, присвоенное мне Фемидой, имело и обратную сторону. Бросить «заслуженного» зэка в данном случае было западно, вот соседи и стали приводить меня в чувство. Посильную помощь в этом оказал конвой, это им я был обязан пинком под ребро и синяком на опухшей морде. Говорливый мужик, отзывавшийся на кличку Крест, сунулся было помочь и тоже схлопотал по рылу. Куда нас вели, никто не знал. Что будет впереди, где мы находимся сейчас — полная неизвестность.

За разговорами время шло достаточно быстро, и вскоре на горизонте показались какие-то строения. Минут через 30 нас всех загнали в широко раскрытые ворота какого-то пакгауза. Колонна медленно втянулась внутрь, и заскрипевшие ворота отрезали нас от окружающего мира.

Выбрав себе место у стены, я уже было собрался пристесть.

— Дядя Саша. — Этого шкета я не знал. Да и, собственно говоря, никого я тут не знал, но этого так и видел в первый раз.

— Чего тебе? Кто ты, вообще, такой?

— Иголка я! Там л ю д и тебя просят.

— Что за люди?

Шкет осекся:

— Так, это... Хромой, Барин, Красавец. Все л ю д и собрались, тебя ждут.

— Ты все сказал? — Это нарисовался Крест. — Не видишь — в печали человек. Иди, родной. Мы будем.

— Куда это? — спросил я Креста, когда шкет растворился в полумраке пакгауза. — Что за люди такие?

Он пожевал губами.

— Все воры серьезные. Я их краем знаю, на пересылке в соседнем бараке были. Но так, чтоб близко, — не был, ничего не скажу.